УДК 811.161.1'37

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-40-50

АКТУАЛЬНЫЕ ТРАНСПОНИРОВАННЫЕ ФОРМЫ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО (СЕМАНТИКА СОСТОЯНИЯ)

Милованова М. С., Хуан Яньюй

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина

117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть семантику и функционирование предикативных предложно-падежных форм существительного в качестве актуализированного способа оформления семантики состояния.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ причин, предпосылок и условий перехода предложно-падежных форм существительного в категорию состояния, проанализированы признаки лексической и грамматической трансформации актуальных транспонированных форм имени существительного на примерах словоформ *в плюсе*, *в грусти*. При проведении исследования применены методы наблюдения, обобщения, структурно-семантического анализа, статистического анализа, скалярный метод.

Результаты. Проведённый анализ словоформ *в грусти* и *в плюсе* показал, что предпосылки перехода существительного в категорию состояния заключаются в наличии семы состояния и оценочной (или потенциально-оценочной) семы в лексическом значении существительного и в значении самой словоформы, в возможности словоформы *изолироваться* от общей системы склонения – употребляться со связкой в роли устойчивых оборотов, регулярно занимающих предикативную позицию.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят определённый вклад в изучение семантики состояния и специфики категории состояния как особого класса в русской морфологической системе.

Ключевые слова: бисубстантивные предложения, категория состояния, прагматика состояния, предикативные предложно-падежные формы существительного, семантика состояния

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00609 «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода»

ACTUAL TRANSPOSED FORMS OF A NOUN (SEMANTICS OF THE STATE)

M. Milovanova, Y. Huang

Pushkin State Russian Language Institute

6 Ak. Volgin ul., Moscow, 117485 Russian Federation

Abstract

Aim. The aim of this work is to consider the semantics and functioning of predicative prepositional-case forms of a noun as an updated way of formalizing the semantics of a state.

Methodology. The article reveals the reasons, prerequisites, and conditions for the transition of prepositional-case forms of a noun to the category of state, and analyzes the signs of lexical and grammatical transformation of actual transposed forms of a noun on the examples of word forms *in plus*, *in grief*. The methods of observation, generalization, structural and semantic analysis, statistical analysis, and scalar method were used in the study.

Results. The result of the analysis revealed that the prerequisites of transition prepositional-case forms of the noun in the category of state are the state semes and the estimated (or potentially estimated) semes, the ability of a word to "isolate" from the General system of declination and be used with copulas in a role of stable phrases, that regularly take predicative position.

Research implications. The results of the research contribute to the development of the ideas of the semantics of the state and the category of the state and the theory of transitivity.

Keywords: predicative prepositional-case forms of a noun, bisubstantial sentences, category of state, semantics of state, pragmatics of state

Acknowledgements: the work was supported by RFBR, Project 19-012-00609 (Modern Russian axiological sphere: semantic and pragmatic transformation of the Russian cultural code).

Введение

В последние годы всё большее развитие получают лингвистические направления, в центре внимания которых находятся исследования языка в связи с человеком и его деятельностью. В языке находят отражение содержание человеческого мышления и способ языковой концептуализации мира. Связь между языком и мышлением проявляется в том, что мышление невозможно без языка, как язык невозможен без его функциональных связей с мышлением: «связи эти настолько гибки и подвижны, что допускают различные стили и способов выражения» [7, с. 32].

Актуальные формы выражения мысли о состоянии в современном русском языке

В русской языковой картине мира со вмещаются универсальные и специфические национальные концепты, в число которых входит семантика состояния как неотъемлемая её часть, как определённая константа русского образа мысли и русской культуры [11, с. 4]. По мере стремительного развития общественной жизни семантика состояния пополняется новым содержанием и обогащается новыми способами выражения. В социуме появляются новые разновидности состояния, значимые для их носителей и нуждающиеся в фиксации, соответственно – новые понятия и слова, их обозначающие. К примеру, в современном обществе обостряется конфликт между заинтересованностью молодого человека в политике и невозможностью изменить сложившуюся полити-

ческую ситуацию. Эта новая мысль выражается заимствованным из итальянского языка словом «куалункуизмо», обозначающим *состояние, когда ты настолько устал от того, что происходит в политике, обществе и вокруг тебя, что тебе уже нет ни до чего дела* (pikabu.ru/story)¹.

С одной стороны, новое содержание семантики состояния находит выражение в традиционных формах. Бесспорно, что безлично-предикативные слова на -о являются основным способом оформления семантики состояния [9; 11; 15; 20; 21 и др.]. Так, оказались вписаны в речевую действительность сравнительно недавно, благодаря развитию неформального общения в социальных сетях, слова на -о *атмосферно* и *фэнишуйно*: *Здесь так атмосферно, что хочется всё запечатлеть и оставить в памяти* (Instagram²). *Фэнишуйно* и варианты *фенишево*, *фэнишево*, *фэйшево* употребляются как молодёжный сленг в смысле *красиво, изящно, стильно*, иногда в самом общем значении положительной оценки смысла (= *хорошо*): *Ну что, дорогие, кто хочет потестить всё ли там фэнишуйно и кошерно?* (ВКонтакте) *Пушистик: Вау, фэйшево!*³

¹ 13 иностранных слов, не имеющих аналогов в русском языке, хотя они бы очень пригодились // Пикабу [сайт]. URL: https://pikabu.ru/story/13_inostrannyikh_slov_ne_imeyushchikh_analogov_v_russkom_yazyike_khotya_oni_byi_ochen_prigodilis_1684574 (дата обращения: 03.03.2021).

² katikorol profile // Instagram [сайт]. URL: https://www.instagram.com/p/Bhl_9c6gkTc (дата обращения: 03.03.2021).

³ Словарь молодёжного сленга // MathSolution.ru. URL: <https://www.math-solution.ru/slang/11101> (дата обращения: 03.03.2021).

С другой стороны, в языке находятся и активизируются формы, наиболее удобные для передачи новых смыслов – например, *личная* форма бисубстантивных синтаксических структур для выражения состояния с актуализированной позицией носителя данного состояния, – и не имеющие аналогов среди безличных форм на *-о* (*Я / ты / мы в гневе, в панике, в стрессе, на эмоциях* и т. д.).

Мысль о состоянии – важная для русского мировосприятия, о чём свидетельствует факт выделения части речи – категории состояния, исследованию которой посвящена серия авторитетных исследований [4; 6; 9; 10; 13; 15; 18; 19; 22 и др.]. Вместе с тем, начиная с работы Л. В. Щербы, в которой были обозначены границы новой части речи [22], исследователи отмечают «неоднородность самого объекта изучения» [20, с. 36].

Стремительное обновление жизни приводит к тому, что существующие в языке безличные конструкции с компонентом безлично-предикативных слов на *-о* уже не удовлетворяют потребности говорящего в воплощении мысли об актуальных вариантах состояния: «Личность получила возможность более свободно выражать свои оценки, характеристики, отношение к миру, что отразилось в языке в виде увеличения частоты употребления предложений, отражающих ментальную деятельность человека, среди которых бисубстантивные предложения занимают заметное место» [5, с. 39].

Продуктивность проявляется в частоте использования и многообразии конструкций бисубстантивных предложений, составленных из существительного в И. п. (или его эквивалента – субстантивированного слова, местоимения-существительного и т. д.) в роли подлежащего и «связочно-субстантивного сказуемого, традиционно выполняющего в русском языке функцию обозначения разных видов состояния лица с использованием формы П. п.» [5, с. 41].

«Все преобразования, отражённые в языковой системе, происходят первоначально в условиях речи, в речевой деятельности говорящих, подыскивающих наиболее точные языковые средства для выражения мысли во

всём богатстве её оттенков, с той точностью, которую хочет выразить говорящий» [2, с. 186]. Например, в языке и речи существовали формы выражения состояния, связанного с употреблением алкоголя (*под шофе, под хмельком* и т. д.), однако для обозначения новых состояний, связанных с употреблением наркотиков, появились новые речевые формы – предложно-падежные формы существительного: *Бабы были под хмельком и пели песни. Возникновение машины привело их в состояние столбняка* (НКРЯ¹); *Лука сидел на игле плотнее его, кололся несколько раз в день, ездил в поисках ширки за сотни километров, в Кировабад, Грозный, Назрань* (НКРЯ²); *Кроме того, что он сам был под кайфом, в кармане у него нашли ещё две-три порции наркотиков* (НКРЯ³).

В рамках бисубстантивных предложений предложно-падежные формы существительного, функционирующие в качестве именной части составного сказуемого, подвергаются лексическим и грамматическим трансформациям. Эти словоформы находятся в разных звеньях шкалы переходности, в разной степени сближения с категорией состояния – «специализированной грамматической категории для выражения мысли о состоянии» [11, с. 4].

Как известно, синтаксическая функция является главным условием для перехода слов из одной части речи в другую [4, с. 31; 2, с. 187], именно предикативация имён стала критерием выделения слов состояния в самостоятельную часть речи [22]. Предикативация предложно-падежных форм существительного – исторически сложившееся в русском языке явление: «Семантика предложно-падежных форм существительного в предикативной функции отличается устойчивостью» [17, с. 115]. Предикативная позиция усиливает значение отвлечённости предложно-падежных форм, что можно иллюстрировать противопоставлением предложного падежа в разных функциях – предикативной и обсто-

¹ Цит. по НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 03. 03. 2021).

² Там же.

³ Там же.

ятельственной: в первом случае реализуется прямое значение слова, во втором – переносное [1, с. 81].

Предикативная роль предложно-падежных форм существительного обуславливается преимущественно значением предлога, именно тем, что он имеет здесь не пространственно-временное значение, а вторичное, более отвлечённое: «Каждый предлог с пространственным значением имеет потенциальные способности на перенос значений при необходимых словарных условиях» [14, с. 305]. При этом глагол (*быть, находиться, пребывать* и т. д.) утрачивает своё собственно глагольное значение нахождения, пребывания где-либо и функционирует как связка, которая делает сочетание предикативным.

По наблюдениям В. В. Бабайцевой, глубоко изучившей грамматические явления переходности, «предпосылки перехода слов из одной части речи в другую, из одного лексико-грамматического разряда в другой кроются прежде всего в значении слов – лексическом и грамматическом» [2, с. 189]. Имя существительное как грамматический класс уже предрасположено к транспозиции: «Имя существительное говорит о представлении, об известном состоянии, об образе, о явлении» [4, с. 50]. В категорию состояния из категории существительного переходят предложно-падежные формы, в индивидуальном лексическом значении которых есть сема состояния. В отличие от глагола категория имени существительного обозначает недействительное состояние предмета. Статичность и неактивность, являющиеся одним из существенных семантических признаков категории имени существительного, служат основанием перехода форм существительного в категорию состояния.

К примеру, в русском языке выделяется группа существительных с суффиксами, обозначающими абстрактное значение – состояние: существительные с суффиксами *-ство, -ество*: *вдовство, девство, одиночество, довольство, единство, бегство, беспокойство, беспамятство, бешенство, замешательство, неистовство*; *-ствие*: *противодействие, спокойствие*; с суффиксом *-ие, -ье*: *веселье, раз-*

думье, волнение, восхищение, возмущение, отчаяние, сопротивление, исступление, недоумение, нетерпение, смущение, смятение; с суффиксом *-ота*: *чистота, тошнота, слепота, немота, глухота, суэта, нищета, беднота*. В русском языке имеется немало лексем со значением эмоционального состояния человека – *восторг, тоска, печаль, ужас, шок, гнев, депрессия, паника, тревога, ярость, скука* и др. Эти существительные при употреблении с предлогом демонстрируют активность перехода в категорию состояния.

Как заметил А. М. Пешковский, сущность перехода падежных форм в другие части речи заключается в «изоляции какого-нибудь одного падежа существительного из общей системы склонения: данный падеж начинал употребляться не в своём падежном значении или не в том значении всего слова, в каком употреблялись остальные падежи, и сливался с предлогом, образуя новое понятие» [14, с. 143].

Предпосылки перехода предложно-падежных форм существительного в категорию состояния обусловлены возможностью изоляции словоформы от остальных падежей данного существительного. К данному разряду словоформ относятся такие лексемы, как *в ажуре, в слезах, в трауре, на винтах, на эмоциях, на пределе, на игле, на ножах, на ногах, на нервах, под кайфом* и т. д. Эти словоформы, с одной стороны, сохраняют значение предметности и живые связи с другими членами парадигмы, вместе с тем одна из форм в результате устойчивого употребления подвергается консервации и развивает новое значение, большей степени абстрактности – значение состояния. Сравним: *Она была в трауре с длинной вуалью* (В. Брюсов, НКРЯ¹); *Когда он умер в Санкт-Петербурге в 1719 году, царь не только посетил отпевание, но и шёл в трауре за гробом Стрешнева до самого монастыря* (НКРЯ²); *А теперь мой бедный Париж в трауре* (НКРЯ³). В

¹ Цит. по НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 03. 03. 2021).

² Там же.

³ Там же.

первом примере в *трауре* употребляется в прямом значении существительного – 'в одежде, повязке, носимой в знак скорби'. Второй пример (сочетание словоформы с глаголом *шёл*) отмечен синкретизмом семантики: 'быть в траурной одежде + быть в состоянии скорби'. В последнем примере словоформа в сочетании с глаголом-связкой употребляется как устойчивый оборот со значением 'в состоянии скорби'.

В современном обществе происходит изменение подхода субъекта к восприятию мира – «гносеологический (познавательный) подход к восприятию действительности вытесняется аксиологическим (оценочным)» [12, с. 64]. Лексемы, входящие в круг слов с семантикой состояния, имеют оценочную или потенциально-оценочную сему в лексическом значении. Например, к словам состояния с общей оценкой *хорошо* принадлежат такие лексемы, как *в восторге, в экстазе, в порядке, в курсе, в моде, в теме, в духе, в форме, в плюсе* и др. В круг слов состояния с отрицательной оценкой входят такие лексемы, как *в тревоге, в тоске, в слезах, в минусе, не в настроении, не в состоянии* и др.

Помимо этого, существуют словоформы с амбивалентными оценками (возможно + и –), субъективные оценки которых определяются в конкретных контекстах, например – *на эмоциях* (первичное значение – 'душевное переживание, волнение, чувство'): *Когда вчера я ей позвонил, она была такая весёлая и возбуждённая – в общем, вся на эмоциях* (НКРЯ¹). Словоформа в предложении очевидно (в одном ряду с прилагательным однозначной положительной оценки *весёлая*) имеет оценочную сему 'хорошо' – 'в хорошем настроении'. Словоформа с отрицательной оценкой находит отражение в таких предложениях: *Как видите, нюансов множество, и учесть их все сгоряча, на эмоциях, сложно* (НКРЯ²); – *Непонятно всё-таки, Юрий Сергеевич, как удалось Столетову прота-*

щить на комсомольском собрании хамскую резолюцию? Неужели только на эмоциях? Расскажите, пожалуйста. Петухов наконец переменял положение: выпрямился, расцепил руки, поправил галстук (НКРЯ³). Словоформа в качестве лексемы состояния с отрицательной оценкой обозначает 'восприятие не разумом, а под влиянием эмоций, чувств; сгоряча, не подумав'.

«Функционирование сложных предложно-падежных сочетаний интересно с той точки зрения, что практически каждое из них относится к переходной зоне в системе частей речи, т. е. категориальный статус таких единиц неустойчив и во многом зависит от контекста» [16, с. 163]. Впрочем, иногда даже контекст не даёт возможность однозначной оценочной интерпретации: *То, что в Москве, на эмоциях, вызывало восторг, здесь, на холодную голову, выглядело ужасно* (НКРЯ⁴).

Думается, что для исследования таких относительно новых и актуальных явлений целесообразно принять термин «микродиахрония / микродиахронный срез», «обозначающий проведение исследования частного явления в процессе его развития» [3, с. 14]. Исследование словоформ в микродиахронии позволит определить категориальный статус словоформ в контексте и увидеть тенденцию развития лексических и грамматических значений словоформ.

Словоформа *в плюсе* недавно появилась в качестве актуальной транспонированной словоформы существительного в категорию состояния. С предлогом *в* существительное *плюс* может употребляться в прямом значении «Знак в виде крестика (+), обозначающий сложение или положительную величину в математике» (значение 1). Такое употребление предложно-падежной формы обнаруживается в единичном примере в основном корпусе НКРЯ: *Последовательная физическая интеграция огромного фактического материала, – это я вам почти наизусть цитирую сейчас из одного журнала за тысяча девятьсот де-*

¹ Цит. по НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 03. 03. 2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Таблица 1 / Table 1

Общая динамика изменений в употреблении словоформы в плюсе /
General dynamics of changes in consumption trends word forms in plus

Знач.	Грамматический статус	Период			
		1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011– 2016
1	форма сущ.	0	1 (↓)	0 (↓)	0 (⇒)
2	синкретичное образование	0	3 (↑)	4 (↑)	1 (↓)
3	категория состояния	2	13 (↑)	5 (↓)	7 (↑)

вяносто восьмой год, память у меня феноменальная, – так вот, наука с учётом работ Альберта Эйнштейна, Поля Дирака, Николая Козырева и других подводит к новому пониманию энергоинформационной сущности бытия в большом диапазоне интенсивностей и только в двух знаках реализации – **в плюсе** и **минусе** (НКРЯ¹).

У словоформы **в плюсе** сохраняется живая связь с существительным, о чём свидетельствуют такие примеры: По мнению аналитиков, несмотря на невысокие показатели по прибыли, остальные данные отчётности Сбербанка достаточно хорошие и есть надежда, что текущий год Сбербанк всё же закончит **в «плюсе»** (НКРЯ²); Несмотря на недостаточную для защиты от немецких танковых пушек броню, «Шерман» эффективно действовал против «пантер» и «тигров», имея **в плюсе** несравненно более лучшую манёвренность (НКРЯ³); Как вам удаётся каждый учебный год заканчивать **в плюсе**? (НКРЯ⁴). В этих случаях словоформа функционирует как дополнение, обозначающее 'иметь положительный баланс, иметь что-то преимуществом, получить хорошие результаты' (значение 2).

В иных случаях словоформа функционирует в позиции предиката в качестве категории состояния: Адвокаты всегда ведь **в плюсе** – работа такая (НКРЯ⁵); Если не

случится конца света или других жутких катаклизмов, то **в плюсе** мы останемся и по итогам всего года (НКРЯ⁶); Да, в чём-то мы будем **в плюсе** (НКРЯ⁷). В таких примерах словоформа употребляется в предикативной позиции со значением 'находиться в приоритетном положении; остаться в хорошем состоянии' = 'всё хорошо' (значение 3).

Общая динамика изменения тенденций употребления словоформы **в плюсе** в разных значениях показана в таблице 1. Словоформа впервые была зафиксирована в 1996 г., что свидетельствует о новизне самой словоформы. Интересно отметить, что уже в первых зафиксированных данных словоформа была способна употребляться в предикативной функции со значением состояния. Словоформа **в плюсе** обладает высокой степенью закреплённости в предикативной позиции.

Развитие грамматической и лексической семантики предложно-падежных форм также проявляется в том, что некоторые словоформы, рассматриваемые раньше как невозможное сочетание, приобретают тенденцию актуализации на настоящем этапе развития языка. В докторской диссертации И. П. Матхановой «Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке» перечислены однокоренные языковые формы для передачи мысли о состоянии, грамматическая семантика которых по-разному относится к семантическим признакам – *Ему грустно, Он грустит, Он грустен, Ему грустит-*

¹ Цит. по НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 03. 03. 2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

ся. При этом высказывание *Он в грусти* автором отмечено как невозможное сочетание [9, с. 12]. Однако наши наблюдения свидетельствуют, что предикативная словоформа *в грусти* относительно стабильно используется в речи.

С предлогом в существительное *грусть* может употребляться в прямом значении 'чувство печали, уныния' (значение 1); функционируя в непредикативной позиции, словоформа обладает дифференциальными признаками существительного.

Такие употребления предложно-падежной формы впервые зафиксированы в художественных текстах, но имеют оттенок непринужденности и разговорности: *Тогда-то Лизарк у всех предметов природы глазам его представляющихся, искал в грусти своей облегчения, но ни пестрота полевых цветов, которыми естество их украсило, ни прекрасное положение мест, волнующая его страсти укротить не могли* (НКРЯ¹); *Она не похожа на грусть: в грусти бывает подчас много прелести, стало быть, и поэзии; в скуке, о которой я говорю, нет её и тени* (НКРЯ²).

В основном корпусе НКРЯ зафиксировано множество примеров, в которых словоформа находится в двойной синтаксической связи – с именем и глаголом: *Проезжий рыцарь в грусти затянул разбойничью песню* (НКРЯ³). В контекстах степени связи словоформы с именем и глаголом неоднозначны. В некоторых примерах ярче проявляются свойства имени и формальная связь с классом существительных – благодаря наличию определяющего слова: *Ничего в ответ. В бесконечной грусти / Я машу им вслед...* (НКРЯ⁴). В других примерах словоформа, функционируя в качестве именной части составного сказуемого, ярче демонстрирует свойства категории состояния при полузнаменательной связке *остаться*: *Я остался в грусти и одиночестве. Надо прощаться с этим куском*

жизни – видимо, навсегда! (НКРЯ⁵). В этих случаях словоформа расположена в зоне синкретизма, в разной степени приближаясь к существительному или категории состояния, но в любом случае обладает значением 'психологическое обстоятельство печали и уныния субъекта при каком-то действии' (значение 2).

Первоначальные употребления словоформы в качестве категории состояния связаны с художественными текстами начала XX в.: *Старик Верхотуров в грусти, что его переводят в Заин-шаби: здесь он так много положил труда и умения на устройство фактории не только с внешней стороны, но, самое главное, важное – её внутреннего состояния...Сегодня мой орнитолог в грусти: подбил крупного сокола и не нашёл его* (НКРЯ⁶); *Ты извини, я просто не знаю про это заболевание. Я вот тоже в грусти...* (НКРЯ⁷). Словоформа в качестве категории состояния занимает предикативную позицию, обозначая 'состояние печали и уныния' (значение 3). Словоформа *в грусти* в статусе категории состояния обладает отпечатком устно-разговорного стиля.

Для того чтобы продемонстрировать путь лексической и грамматической эволюции словоформы *в грусти*, проанализируем частотность употребления словоформы в микродиакронии.

Как показывает таблица 2, количество синкретичных образований намного больше, чем те с дифференциальными признаками существительного и те с морфологическим статусом категории состояния.

Небольшое количество примеров словоформы в статусе категории состояния (всего 3), зафиксированное в Национальном корпусе русского языка, свидетельствует о том, что транспозиция словоформы *в грусти* существует, однако нет тенденции к её активному использованию в новой роли. Можно предположить, что между классической языковой формой категории состояния *Х-у грустно* и предикативной формой *Х в грусти* существует конкуренция,

¹ Цит. по НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.03.2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Таблица 2 / Table 2

Общая динамика изменений в употреблении словоформы в грусти /
General dynamics of changes in consumption trends word forms in sadness

Знач.	Грамматический статус	Период					
		1700–1800	1801–1850	1851–1900	1901–1950	1951–2000	2001–2020
1	форма сущ.	2	2 (↑)	5 (↑)	7 (↑)	2 (↓)	2 (↑)
2	синкр. образ.	3	10 (↑)	11 (↑)	21 (↑)	7 (↓)	9 (↑)
3	кат. сост.	0	0 (→)	0 (→)	2 (↑)	0 (↓)	1 (↑)

в которой рассматриваемая словоформа, по-видимому, проигрывает. Вместе с тем примеры в интернете (не засвидетельствованные в НКРЯ) достаточно частотны – в поэтических текстах: *Я в грусти, и, значит, Светлана появится ночью. / Влетит налегке, как улыбка чеширского барса* (Ринат Юнусов¹); *Когда мы в грусти и печали, / Прошу, не надо громких слов...; Когда ты в грусти и печали, / Ты громких слов не говори...* (Дмитрий Ахременко²).

Кроме того, предикативная словоформа в грусти может быть востребована при наличии однородных компонентов – аналогичных форм со значением состояния в печали, в тоске, в испуге и др.: *Я в грусти, в трауре, в печали* – «Дом-2» закроют в Новый год! (Влад Нежный³); *Да-да / я в грусти и печали / меня не ждут / меня не ждали* (Никита Данилов⁴). Ср.: *Я – в унынии, в обиде, в гневе все эти дни* (А. Д. Шмелёв. Дневники. НКРЯ⁵).

Заключение

Семантика состояния непрерывно расширяет свои границы. Стремительное развитие семантики состояния выража-

ется не только в появлении новых лексем состояния, но и в актуализации синтаксической конструкции бисубстантивных предложений, которая предоставляет благоприятные условия для оформления актуальной мысли о состоянии. В этих условиях предложно-падежные формы имени существительного подвергаются лексической и грамматической трансформации и находятся в разной стадии перехода из существительного в категорию состояния. Лексические предпосылки перехода словоформ заключаются в наличии семы состояния и оценочной (или потенциально-оценочной) семы. Грамматические предпосылки перехода заложены в возможности словоформы «изолироваться» от общей системы склонения – употребляться со связкой как устойчивый оборот в предикативной позиции. Степень предикативации конкретной словоформы определяется степенью закреплённости и частотностью употребления в предикативной позиции.

Статья поступила в редакцию 28.01.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Л. А. Разграничение предложного падежа с предлогом в в предикативной и обстоятельственной функциях // Краткие очерки по русскому языку: материалы пятой научно-методической конференции Объединения кафедр русского языка вузов Центрально-Чернозёмной зоны. Воронеж, 1964. С. 80–85.

¹ Юнусов Р. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/text/2006/yunus10_06.html (дата обращения: 03.03.2021).

² Ахременко Дм. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/text/2006/yunus10_06.html (дата обращения: 03.03.2021).

³ Нежный В. [Электронный ресурс]. Я в грусти, в трауре, в печали. URL: <https://stihi.ru/2020/12/19/1369> (дата обращения: 03.03.2021).

⁴ Никита Данилов [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/text/2006/yunus10_06.html (дата обращения: 03.03.2021).

⁵ Цит. по НКРЯ: Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.03.2021).

2. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
3. Боровикова Н. В. Имя собственное как знак в языке и речи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 1. С. 13–19.
4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. М.: Русский язык, 2001. 720 с.
5. Герасименко Н. А. Связочно-субстантивное сказуемое как отражение динамических процессов в русской языковой картине мира // Русский язык за рубежом. 2018. № 3. С. 37–41.
6. Исаченко А. В. О возникновении и развитии «категории состояния» в славянских языках // Вопросы языкознания. 1955. № 6. С. 47–65.
7. Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 32.
8. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. М.: Казань, 1883. С. 149.
9. Матханова И. П. Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке: дис. ...докт. филол. наук. СПб., 2001. С. 12.
10. Мигирин В. Н. Категория состояния или бессубъектные прилагательные? // Мигирин В. Н. Исследования по современному русскому языку. М.: Издательство МГУ, 1970. С. 150–157.
11. Милованова М. С. Язык и мир: лексический фонд категории состояния в современном русском языке // Русский язык за рубежом. 2018. № 3. С. 4–11.
12. Милованова М. С. Современное русское аксиологическое сознание и актуальные тенденции в языке // Педагогическое образование и наука. 2019. № 1. С. 64–69.
13. Панфилов В. М. К истории развития категории состояния, или предикативов, в русском языке: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Красноярск, 1961. 22 с.
14. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. 510 с.
15. Поспелов Н. С. В защиту категории состояния // Вопросы языкознания. 1955. № 2. С. 55–65.
16. Сарайкин И. В. Тенденции употребления предложно-падежных сочетаний, обозначающих состояние субъекта (на примере сочетания *на нервах*) // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: сборник статей. М.: Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2020. С. 163.
17. Собинникова В. И. Предложно-падежные формы в предикативной функции (на материале воронежских памятников письменности) // Краткие очерки по русскому языку: материалы пятой научно-методической конференции объединения кафедры русского языка вузов Центрально-чернозёмной зоны. Воронеж, 1964. С. 115.
18. Тихонов А. Н. Категория состояния в современном русском языке. М.: Самарканд: Издательство Самаркандского университета, 1960. 43 с.
19. Травничек Ф. Заметки о категории состояния // Вопросы языкознания. 1956. № 3. С. 46–53.
20. Циммерлинг А. В. Древнеисландские предикативы и гипотеза о категории состояния // Вопросы языкознания. 1998. № 1. С. 36–59.
21. Циммерлинг А. В. Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 7–33.
22. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 63–84.

REFERENCES

1. Andreeva L. A. [Differentiation of the prepositional case with the preposition *в* in the predicative and adverbial functions]. In: *Kratkie ocherki po russkomu yazyku: materialy pyatoi nauchno-metodicheskoi konferentsii Ob'edineniya kafedr russkogo yazyka vuzov Tsentral'no-CHernozemnoi zony* [Brief essays on the Russian language: materials of the Fifth Scientific and Methodological Conference of the Association of the Russian Language Departments of Universities of the Central Chernozem Zone], 1964. pp. 80–85.
2. Babaitseva V. V. *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka* [The phenomena of transitivity in the grammar of the Russian language]. Moscow, Drofa Publ., 2000. 640 p.
3. Borovikova N. V. [Proper name as a sign in language and speech]. In: *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University], 2010, no. 1, pp. 13–19.
4. Vinogradov V. V. *Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (grammatical doctrine of the word)] Moscow: Russian language Publ., 2001. 720 p.

5. Gerasimenko N. A. [Copula-noun predicate as a reflection of dynamic processes in the Russian language picture of the world]. In: *Russkii yazyk za rubezhom* [Russian language abroad], 2018, no. 3, pp. 37–41.
6. Isachenko A. V. [On the emergence and development of the “category of state” in the Slavic languages]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistics issues], 1955, no. 6, pp. 47–65.
7. Katsnel'son S. D. *Kategorii yazyka i myshleniya: Iz nauchnogo naslediya* [Categories of language and thinking: From the scientific heritage]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001. pp. 32.
8. Krushevskii N. V. *Ocherk nauki o yazyke* [Essay on the Science of Language]. Kazan, 1883. pp. 149.
9. Matkhanova I. P. *Vyskazyvaniya s semantikoï sostoyaniya v sovremennom russkom yazyke: diss. ... d-ra filol. nauk* [Statements with the semantics of the state in the modern Russian language: PhD thesis in Philological sciences]. St Petersburg, 2001. pp. 12.
10. Migirin V. N. [Category of state or subjectless adjectives?]. In: Migirin V. N. *Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku* [Migirin V. N. Research on the modern Russian language]. Moscow, MGU Publ., 1970, pp. 150–157.
11. Milovanova M. S. [Language and the world: the lexical Fund of the category of state in the modern Russian language]. In: *Russkii yazyk za rubezhom* [Russian language abroad], 2018, no. 3, pp. 4–11.
12. Milovanova M. S. [Modern Russian axiological consciousness and current trends in language]. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical education and science], 2019, no. 1, pp. 64–69.
13. Panfilov V. M. *K istorii razvitiya kategorii sostoyaniya, ili predikativov, v russkom yazyke: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [On the history of the development of the category of state, or predicatives, in Russian: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Krasnoyarsk, 1961. 22 p.
14. Peshkovskii A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in a scientific light]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001. 510 p.
15. Pospelov N. S. [In defense of the category of state]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], 1955, no. 2, pp. 55–65.
16. Saraikin I. V. [Trends in the use of prepositional-case combinations denoting the state of an subject (on the example of a combination *na pervax*)]. In: *Sovremennaya rossiiskaya aksiosfera: semantika i pragmatika identichnosti* [Contemporary Russian axiosphere: semantics and pragmatics of identity]. Moscow, A. S. Pushkin State Russian Language Institute Publ., 2020. pp. 163.
17. Sobinnikova V. I. [Prepositional-case forms in the predicative function (based on the material of Voronezh written monuments)] In: *Kratkie ocherki po russkomu yazyku. Materialy pyatoi nauchno-metodicheskoi konferentsii ob'edineniya kafedry russkogo yazyka vuzov Tsentral'no-chernozemnoi zony* [Brief essays on the Russian language. Materials of the fifth scientific and methodological conference of the unification of the Russian language department of universities of the Central Chernozem zone]. 1964. pp. 115.
18. Tikhonov A. N. *Kategoriya sostoyaniya v sovremennom russkom yazyke* [Category of state in the modern Russian]. Samarkand, Samarkand University Publ., 1960. 43 p.
19. Travnichuk F. [State Category Notes]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistics issues], 1956, no. 3, pp. 46–53.
20. Tsimmerling A. V. [Old Norse Predicatives and the Category of State Hypothesis]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistics issues], 1998, no. 1, pp. 36–59.
21. Tsimmerling A. V. [Impersonal constructions and dative-predicative structures in Russian]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistics issues], 2018, no. 5, pp. 7–33.
22. Shcherba L. V. [On parts of speech in the Russian language]. In: Shcherba L. V. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Shcherba L. V. Selected works on the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957. pp. 63–84.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Милованова Мария Станиславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина;
e-mail: MSMilovanova@pushkin.institute.ru

Хуан Яньйюй – аспирант кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина;
e-mail: huangyangyu@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria S. Milovanova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of the Russian and General Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute ;
e-mail: MSMilovanova@pushkin.institute.ru

Huang Yangyu – Postgraduate student, Department of the Russian and General Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute;
e-mail: huangyangyu@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Милованова М. С., Хуан Яньюй. Актуальные транспонированные формы имени существительного (семантика состояния) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 40–50.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-40-50

FOR CITATION

Milovanova M. S., Huang Yanyu. Actual Transposed Forms of a Noun (Semantics of the State). In: Bulletin of In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 2, pp. 40–50.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-40-50